

ОТ РЕДАКЦИИ

Статья Ференца Косега посвящена избирательной реформе и выборам в Венгрии, которые состоялись 8 июня 1985 г. и привлекли внимание специалистов, поскольку явились своего рода экспериментом избирательной реформы в странах советского типа.

Новый закон о выборах был принят в Венгрии 22 декабря 1983 г. Он состоит в следующем:

- 1) в обязательном порядке баллотируется несколько кандидатов;
- 2) на местах создаются специальные комиссии для упрощения избирательного процесса;
- 3) политические и государственные лидеры избираются в Государственное собрание по отдельному общегосударственному списку;
- 4) только те кандидаты в Государственное собрание и в местные органы власти, которые получили как минимум треть голосов на предварительных собраниях, становятся кандидатами на выборах; чтобы стать депутатом, кандидат должен собрать голоса более 50% избирателей.

Ференц Косег

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА И ВЫБОРЫ

Руководители польской и венгерской коммунистической партий (о, эти узы исторического братства!) давно уже пытаются подражать друг другу. Четыре года назад Ярузельский обещал — в первую очередь, конечно, себе, а не народу, — что в Польше будет воспроизведен кадаровский режим (подобный тому, который был до нынешнего кризиса). Но после появления Солидарности реальным политикам из Венгерской социалистической рабочей партии пришлось начать бег наперегонки со временем: они решили доказать, что те реформы, ради которых произошла мобилизация общественности в Польше, разумная власть может осуществить декретным путем. Помимо прочих начинаний, они решили реформировать систему выборов.

Эта декретная реформа не слишком опасна для режима, поскольку на ней настаивали сравнительно узкие интеллектуальные круги. В результате снижения жизненного уровня общественная неудовлетворенность, конечно, возросла, но это не привело к требованиям реформ и не вызвало даже определенно направленного общественного давления. Требование реформ диктовалось, таким образом, страхами одних и снобизмом других представителей режима. Варшавский путч положил конец навязчивым страхам, вызванным событиями в Польше. Разработка реформ продолжалась, таким образом, в результате инерции напуганного аппарата, а также из-за того, что в экономике продолжался застой. Сторонников реформ подталкивало еще и то, что лагерь противников реформ укреплялся.

По мере того как сопротивление реформам нарастало, вопрос об их необходимости снова был пересмотрен, вызвав разногласия среди партийного руководства. Оказавшись перед необходимостью принять решение, высшее партийное руководство, в соответствии со своими четвертьвековыми традициями, решило, с одной стороны, проводить реформы, но с другой, — дать возможность перестраховщикам их притормаживать. В результате самостоятельность предприятий увеличилась, но кредитование осталось под контролем государства. Хотя руководители некоторых предприятий должны были стать в дальнейшем подотчетными независимым управленческим формированиям, сами эти формирования должны были избираться под контролем прежней профсоюзной бюрократии. Налоговая система была пересмотрена в сторону унификации, но небольшие предприятия все еще облагаются специальными налогами.

Поблекший план реформ

Ответственные партийные руководители вынуждены были согласиться на известные перемены в экономической политике. Избирательная реформа, которая, с одной стороны, проводится, а с другой, — не приводит ни к каким результатам, не представляет трудностей. Либеральные политологи и юристы рекомендовали учредить представительный парламент. Они, конечно, имели в виду представительство ведомственных институтов, институционализированной бюрократии и интеллектуальной элиты, т. е. сил, имеющих влияние на руководство государственных учреждений, а вовсе не представительство всего общества. Но сторонники реформ создавали перед руководством видимость, что они хлопочут о всенародном представительстве. „Серьезная избирательная реформа приведет к перемешиванию интересов и влияний в обществе. Когда общественные институты будут адекватно отражать политические интересы, и государственные решения будут вырабатываться с учетом этих интересов, это определит уровень представительства, который по самой своей природе гарантирует политическому руководству контроль над реформами”, — писал Бела Покол.¹

Хотя корпоративная система консервативнее чем общенациональное представительство, она была бы, тем не менее, важным шагом вперед в становлении парламентарного социализма. Если бы она могла успешно функционировать и играть какую-то роль в процессе принятия решений, корпоративный парламент был бы первым в однопартийном государстве институтом высшего уровня, где различные группы имели бы возможность выражать открыто свои противоречивые интересы. Дебаты между представителями различных общественных групп нарушили бы монотонность процедуры принятия законов, ограничили бы закулисную борьбу и, в перспективе, могли бы способствовать снижению общественной напряженности.

Но литургия, как известно, не может быть изменена, пока не подверглась переменам ее основа. Представительные институты являются органами государства и хотя бы формально причастны к власти, что весьма важно. Ныне их руководителей выбирают только для представительности. Но чем больше у таких организаций возможностей для выражения интересов своих членов, тем активней они эти интересы выражают. Если парламент будет представлять общественные институты в их нынешней форме, его функционирование останется формальным. Реформа общественных институтов, прежде всего, профсоюзов, обязательно изменит соотношение скрытых общественных сил и интересов, в частности, в политическом руководстве. Петер Шмидт, ведущий эксперт комитета, ведающего избирательными реформами, в одном из интервью так выразил суть этой проблемы: „В ходе работы комитета мы не смогли прийти к решению о том, какой должна быть процедура назначения представителей от различных общественных институтов”.²

Пока эксперты раздумывали, как должны быть представлены общественные институты, политическое руководство после путча Ярузельского решило допустить только показное представительство различных общественных организаций, обеспечивая тем самым минимум арифметического плюрализма вместо подлинных реформ. Избирательный закон, принятый в 1983 г., содержал только два нововведения: общенациональный список кандидатов, который был важен только для руководства, и обязательное наличие двух кандидатов на тот же пост, что открыва-

до новые возможности и для избирателей. По мнению реформаторов, последнее было шагом вперед в предоставлении большей независимости местной администрации. Оппоненты реформам расценивали это как уступку более для видимости, чем по существу. Реформаторы и интеллектуалы, настаивающие на реформах, считали, что система двух кандидатов приведет к более серьезным результатам, чем деятельность псевдопарламента, в котором делегаты заводов, профсоюзов и кооперативов голосят за принятие законов единогласно. Но им пришлось разочароваться больше, чем обрадоваться, поскольку они не приблизились к цели, которая состояла в хотя бы частичном разделении власти и решении государственным путем стоящих перед страной трудностей. Другими словами, им не удалось вовлечь в политическую жизнь определенные общественные группы общества, поскольку не хотели делить с ними власть. У противников реформ и функционеров было больше оснований для торжества, поскольку им опять удалось провести перемены, ничего на деле не меняя. Но и их радость омрачалась тем, что даже эти иллюзорные перемены вынуждали их больше работать, а также тем, что низовые работники получили право совать нос в их дела.

Закон на бумаге

Какие надежды может внушить новое законодательство сторонникам демократизации? На основании текста законов, если относиться к ним с доверием, можно надеяться на три положительных сдвига:

- I что два кандидата Народного Фронта будут чем-то отличаться друг от друга и представлять альтернативные программы на местном уровне — например, один будет требовать постройки больницы, а другой — развития дорог;
- II что в некоторых избирательных округах особенно в провинции, могут быть выбраны люди, пользующиеся известностью, — скажем, местный врач или учитель. Такой пред-

ставитель сможет выражать волю избирателей, добиваясь того, чего на самом деле хотят местные жители. Со временем, возможно, такие люди смогут стать подлинно народными представителями;

- III что в некоторых избирательных округах, главным образом в Будапеште и в университетских городах, будут избраны люди, добивающиеся проведения независимых общенациональных программ в области экономики, социальных преобразований и защиты окружающей среды (таких кандидатов мы называем „независимыми“, чтобы отличать их от остальных выдвинутых населением кандидатов).

Однако, подогнав реформированное избирательное законодательство к обычному потоку указов, не отражающих никаких перемен, законодатели сделали несбыточными даже эти умеренные надежды.

1. Избирательная реформа не сопровождалась парламентской реформой. Хотя XIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии провозгласил, что роль Государственного Собрания возрастет, политическое руководство не изменило главный принцип, согласно которому состав парламента должен отражать не интересы должностных лиц, а подлинную структуру общества. Выдвижение нескольких кандидатов не поставит под угрозу устоявшиеся нормы представительства, если Народный Фронт как и в первых спорадических экспериментах, будет придерживаться принципа полной сходности кандидатов и препятствовать избранию подлинно народных представителей. До сих пор, во всяком случае, осуществлялась такая избирательная практика: в 104 из 285 избирательных округов пол, занятия и социальный статус обоих обязательных кандидатов были совершенно идентичны.

2. Хотя избирательный закон дает кандидатам возможность детализировать свои программы, он не обязывает их к этому. Мыслящий гражданин исходит из того, что программы конкурирующих кандидатов должны отличаться одна от другой.

Но каковы возможности для этого? Один из председателей избирательного собрания (обычно это председатель или заместитель председателя местного совета, или секретарь местной партийной организации) сделал краткий обзор решений XIII съезда Венгерской СРП по общенациональным вопросам. Кандидаты Народного Фронта могут только соглашаться с принятыми решениями. Разница в мнениях допускается лишь по местным проблемам, „но кандидат не может давать пустых обещаний”, — сказал Имре Пожгеи, наиболее высокопоставленный представитель власти, ведающий демократизацией избирательной системы. Из этого следует, что все обещания будут пустыми, если они не соответствуют установкам местных центров власти, прежде всего местных комитетов партии. Кандидат прекрасно знает, что он не может сделать ничего, что не получит их одобрения, и даже его избрание зависит от них больше, чем от избирателей.

3. Реформа повлияла на число части кандидатов. Процедура назначения кандидата не изменилась. По новой системе, как и прежде, отбор кандидатов, организация избирательных собраний и вся избирательная процедура контролируются местными партийными комитетами, а кооперация с Народным Фронтом носит чисто формальный характер. Фактически весь избирательный процесс осуществляется местными советами — теми самыми местными органами власти, которые с самого начала были против реформ, опасаясь, что избиратели могут заменить назначенных функционеров своими представителями. В результате, в тех случаях, когда на избирательных собраниях нарушалась атмосфера обычной апатии, местные органы власти прибегали к различным манипуляциям и уловкам или к прямому принуждению. Трудно сказать, что больше способствовало этим махинациям — хорошо продуманная двусмысленность закона или набор содержащихся в нем бессмыслиц.

Над проектом реформы работали много месяцев известные юристы страны, но, тем не менее, законодательство и директивы его осуществления, выпущенные в последний момент, удивительно противоречивы. Некоторые новые правила предполагают больше ограничений, чем старые, другие допускают

возможность подтасовки; наконец, имеются правила, которые просто не могут быть претворены в жизнь. Остановимся на них.

А. Кандидат должен декларировать свою верность программе Народного Фронта. Это новый трюк. Такое требование имело бы смысл, если бы кандидаты имели право выражать собственное мнение и мнения своих избирателей хотя бы по неполитическим вопросам. Но, как мы уже отмечали, альтернативные программы фактически не получили права на существование.

Б. Общенациональный список является, безусловно, антидемократическим нововведением. Он мог бы иметь смысл, если бы позволил тем политическим лидерам, которых хотят сохранить у власти любой ценой, избежать предвыборной борьбы. Но общенациональный список из 35 кандидатов слишком мал для обеспечения всем членам руководства равных возможностей, поскольку члены политбюро, секретари региональных партийных организаций, а также министр иностранных дел в этот список не включены. В то же время ни один из местных кандидатов, выступающих против не вошедших в список членов руководства, не имеет никаких шансов одержать победу. Между тем, такая процедура превращает всех не попавших в список общенациональных политических деятелей и провинциальных функционеров в оскорбленных противников реформ. Подобно палате лордов, общенациональный список подчеркивает церемониальный характер Государственного Собрания, другими словами, противоречит декларированным целям реформы.

В. В избирательных собраниях могут участвовать жители данного избирательного округа, работающие в нем.

Участие работающих в пределах избирательного округа, безусловно, противоречит региональному принципу выборов. Противоречие это преднамеренное и преследует две цели: представители предприятий гарантируют, что предвыборное собрание будет обеспечено публикой; в случае необходимости, они могут доставить публику для устранения нежелательных кандидатов. Закон не уточняет процедуру проверки права на присут-

ствие на предвыборном собрании. Не уточнена в законе и процедура назначения представителей с мест работы. Если бы происходящее на выборных собраниях могло стать объектом подлинной критики, такая безответственность была бы чревата опасными последствиями для организаторов; на многочисленных примерах можно показать, что поддержавшие кандидатов Народного Фронта не работали и не проживали в избирательных округах, где они голосовали. Но такие расследования не проводились, да и не могли проводиться, поскольку:

Г. согласно закону, все кандидатуры должны быть представлены в местный президиум, ведающий выборами, члены которого назначаются организаторами выборов, т. е. комитетами Народного Фронта и местными советами. Поскольку последние знают, кого они хотят или не хотят, они могут принять быстрое и окончательное решение о соответствии кандидата;

Д. ни закон, ни дополнительные инструкции не дают разъяснений о методах организации, объявлении кандидатур или проведении избирательных собраний. Закон указывает, что жителям, а также работающим в избирательном округе должна быть предоставлена возможность участвовать в обоих избирательных собраниях. Однако не предусмотрены никакие гарантии, что избиратели действительно будут извещены о собраниях и действительно будут в них участвовать. Организаторы не обязаны собирать третье избирательное собрание для тех, кто не участвовал в первых двух, но они могут созывать столько собраний, сколько им нужно, чтобы избавиться от нежелательного кандидата. В результате, кандидаты для среднего по размерам избирательного округа с 30-тысячным населением, выдвигаются тысячами выборщиков, и 500 из них затем голосуют в другом округе. Кроме того, от представителя Народного Фронта, проводящего собрание, зависит его длительность и численность выступающих. Закон не уточняет также, как определить численность участвующих в выборах и число голосов. Не уточняет закон и процедуры проверки правильности подсчетов, сделанных президиумом;

Е. ни проживание, ни работа в избирательном округе не являются обязательным условием для выставления своей кандидатуры. Если же кандидат не живет и не работает в этом округе, то он не имеет права участвовать в избирательном собрании. От него требуется только, чтобы он признал кандидатуры, выдвинутые Народным Фронтом, и его программу. Такой пункт мог быть включен, только если составители заранее знали, что никто не воспримет его всерьез;

Ж. чтобы получить мандат, кандидат (включая членов совета) должен собрать абсолютное большинство голосов — в противном случае назначается еще один тур выборов.

Законодатели, очевидно, находились под сильным впечатлением французской избирательной системы. Имитируя эту великую демократическую традицию, они хотели, по-видимому, похвалиться своими знаниями, поскольку нет никакого смысла вводить двухступенчатую выборную систему в условиях Венгрии. К этому гипердемократическому абсурду они добавили еще и гиперантидемократический абсурд, включив требование повторять всю процедуру выборов перед вторым туром голосования. Другими словами, кандидат, получивший уже, скажем, 10 тыс. голосов, может быть лишен права участвовать во втором туре решением 300-400 участников, спешно созданных на дополнительное собрание.

Было бы логично предположить, что законодатели, замышляя будущие манипуляции, преднамеренно оставили эти проблемы и противоречия в законодательстве. Однако это предположение не подвергается правилам, приведенным выше, которые бессмысленны с любой точки зрения; противоречит оно и тому факту, что правила участия в избирательных собраниях разработаны явно недостаточно. Именно из-за этого организаторам избирательных собраний пришлось прибегать к вопиющим нарушениям прав независимых и народных кандидатов; проявив небольшую предусмотрительность, они легко могли бы избежать этих скандалов (насколько легко, мы не намерены объяснять, но хотелось бы знать, понимают ли это они сами).

Однако нельзя объяснить всю путаницу только спешкой,

поскольку детали могли быть значительно сглажены соответствующими директивами, выработанными в дополнение к закону более чем через год. Единственное объяснение, что, провозгласив реформу, проведя за три недели общественное обсуждение проекта закона и получив его утверждение Государственным Собранием, политическое руководство более не продумывало проблему выборов. Несмотря на организованную из центра пропаганду демократизации, руководство не предполагало, что возможность неоркестрованных сверху выборов до такой степени возбудит общественное мнение. Сказанное Имре Пожгеи в упомянутой телевизионной передаче верно, по крайней мере, наполовину: участие представителей предприятий было задумано из-за опасения, что на избирательные собрания никто не придет. Степень „рассеянности” руководства подтвердилась в начале апреля, когда выяснилось, что программа Народного Фронта, которую кандидаты должны были поддерживать, вообще не существует. В замешательстве Народный Фронт назвал программой призывы к избирателям, опубликованные 11 апреля. Согласно этому краткому тексту, программа Народного Фронта — в осуществлении программы, принятой на XIII съезде ВСРП. В результате, кандидаты, включая высших церковных сановников, вынуждены были косвенно заявить о своей лояльности партийной программе.

Избирательный закон, как и другие политически мотивированные установления, по сути своей демократичен: он гарантирует определенные права, но соблюдение их предоставляет властям, интересы которых находятся в противоречии с необходимостью эти права гарантировать. Из этого следует, что желающий осуществить свои права, гарантированные законом, может только надеяться, что идея реформ в ее окончательном виде, смысл которой — в осуществлении представительства и участия в выборах, побудит ответственных за проведение выборов проявить великодушие и уважить хотя бы формальности. Но политический климат в стране после введения нового закона никак не способствовал реализации этих надежд.

Политическое интермеццо

На грани 70-х и 80-х годов режим официально признал уже известное на практике — стагнацию, а затем и ухудшение жизненного уровня. Правительство обратилось к общественности с просьбой об умеренности и терпении. В обмен было обещано, что ухудшение жизненных условий будет приостановлено и постепенно будут проведены реформы. Обещание реформ не слишком заинтересовало население, но были сделаны некоторые уступки частному сектору. Приусадебные хозяйства постепенно превратились в самостоятельную отрасль хозяйства. Возможность создавать частные предприятия привела к уменьшению неудовлетворенности самого мобильного слоя населения, наиболее влияющего на настроения общества. Это, однако, вызвало увеличение внутренних напряжений в обществе. После преодоления платежного кризиса, возникшего было в 1982 г., партийное руководство осознало, что общественность уже сыта по горло лозунгом „Будем вместе в тяжелые времена”, и что пора, наконец, показать публике то золотое яйцо, которое должна снести курица, увы, давно уже съеденная. Новая программа, разработанная к 1984 г., не могла обещать улучшение жизненного уровня (цены продолжали расти), но она обещала после периода ограничений интенсивный рост экономики. Вместо экономических реформ началось увеличение потока инвестиций. Это было реализацией идеи начала 70-х годов, а на самом деле — в миниатюре — даже 50-х. Руководители, пострадавшие от реформы предприятий (принятой в качестве последней меры в период реформ), а также от сокращения экономического роста, получили в дополнение к обещаниям о возобновлении экономического роста, возможность вмешиваться в работу экономистов. Функционеры и партийные активисты, раздраженные уступками частному сектору, получили в качестве вознаграждения реабилитацию своего „героического” прошлого (проклинаемых и поныне 50-х годов); неудачники получили возможность обрушиваться на разбогатевших.

Избирательные собрания

1. (Кандидаты и темы)

Обычно перемены в политическом климате приводят к изменениям в ритуальных текстах с известным запозданием. Демократическая фразеология, сопровождавшая общественную жизнь, по-прежнему, наполняла прессу и даже усилилась перед избирательной кампанией. Но кто же воспринимал ее серьезно? В течение 70 лет партия гордилась тем, что может научно предвидеть будущее, и снова не заметила очевидного. Как ни удивительно, партия не предвидела, что избирательные собрания создадут прецедент, и на них появятся сотни народных кандидатов, в том числе независимые. Имея это в виду, один из лидеров Народно-го Фронта писал: „В начале их появление вызвало замешательство”.³

Официальная пропаганда пыталась представить появление независимых кандидатов как запланированное оппозицией, хотя независимые делали то же, что и остальные народные кандидаты, которые хотели проверить, действует ли закон. Естественно, среди них были знавшие друг друга и благодаря поддержке они поняли, что они не одиноки в своем начинании. Из нескольких сотен кандидатов, вероятно, многие заслуживали выдвижения в качестве независимых, но поддерживавшие идею независимых кандидатов не знали о них. Но не было глубоких расхождений между народными кандидатами и независимыми, как и между независимыми и оппозицией.

И в программе независимых, и у оппозиции, и в речах ее сторонников поднимались одни и те же проблемы — не „поговору”, а потому что эти идеи носят „в воздухе”, потому что они отражают основные заботы и еще не поздно найти правильные решения. На избирательных собраниях с удивлением услышали:

— что, по расчетам министерства финансов, реальная зарплата упала до уровня 1974 г., а реальные доходы — до уровня 1976 г.;

— что программа экономического роста не учитывала нынешнюю экономическую ситуацию, хотя задолженность была сокращена;

— что концепция развития поселений, единогласно принятая Государственным Собранием на последнем заседании, — запоздалая дань программе, принятой Государственным Собранием — тоже единогласно — 15 лет назад, несмотря на предостережения экспертов;

— что потребительская корзина для лиц с маленькой пенсией не включает оплату газет, телевидения, возмещение стоимости белья или расходы на сигареты; что пенсионеры за счет имеющегося у них топлива могут обогревать свое жилище не выше, чем до 17° С и быстрое снижение их жизненного уровня можно приостановить, только если к пенсиям будет сделана поправка на рост стоимости жизни;

— что прожиточный минимум, который обещали определить долгие годы, еще не установлен, хотя покрытие минимальных жизненных расходов престарелых, многодетных и инвалидов должно быть первостепенной задачей социальной политики государства;

— что до сих пор нет практических директив к закону об охране окружающей среды, принятому в 1976 г.;

— что производство электроэнергии на электростанции Беж-Надьмерош не компенсирует непоправимого ущерба от плотины и отводящего канала для сброса вод Дуная окружающим сельскохозяйственным землям: и отравляя питьевую воду, и вызывая засуху;

— что план развития транспортной системы в Будапеште на годы вперед не уменьшит, а, наоборот, увеличит перенаселенность центра города.

Независимые кандидаты не формулировали в своих критических высказываниях общие проблемы для социального анализа; они говорили об имевших место конкретных событиях, и это превращалось в политические вопросы. Они высказывали свое мнение о политических и институциональных пробле-

мах, чтобы таким демократическим путем разрешить противоречия. Предложения, чаще вносимые на избирательных собраниях оппозиционных кандидатов, спорадически возникали и на других собраниях. Эти проблемы можно подразделить на три основные группы, которые образуют взаимосвязанную систему:

1. Демократия не может быть ничем иным как демократией принятия решений

Государственное Собрание должно стать действительно общенациональным форумом. Делегаты должны собираться чаще и на более длительное время (возможно, по выходным) для обсуждения предлагаемых законов. Нужно положить конец практике радикального изменения законов с помощью декретов; нужно прекратить издание декретов, ограничивающих действие законов. Президентский совет должен проводить референдумы по особенно важным проблемам, влияющим на жизнь общества в целом. Народные представители должны знать мнение своих избирателей и выражать их волю.

2. Свободный путь к общественной инициативе

В разрешении социальных проблем и в деле защиты окружающей среды нельзя преуспеть только с помощью государственных мероприятий. Независимые общественные группы должны иметь возможность участвовать в помощи нуждающимся, в определении ущерба, наносимого окружающей среде, и т. д. Власти должны серьезно относиться к инициативам граждан, а также проверять, как эти инициативы осуществляются. Важной задачей независимых депутатов будет представлять в Государственном Собрании небольшие группы и вносить их предложения.

3. Обеспечение прав человека

Два предыдущих требования могут быть выполнены, только если общественная безопасность, основанная на законе, возрастет, и граждане смогут на деле пользоваться политичес-

кими правами, гарантированными законом. Для этого нужно, прежде всего, соблюдение демократических принципов на право собраний и на печать. Государственное Собрание должно отменить закон о принудительном труде, как противоречащий правам человека, а для тех, кому их религия не позволяет носить оружие, сделать возможным нести военную службу невооруженными.

Не ограничившись обсуждением внутренних проблем, независимые кандидаты, оппозиция и не принадлежащие к оппозиции нарушили одно из основных табу, подняв вопрос о судьбе венгров, живущих за границей. Тайная дипломатия и политика умолчаний, как указали они, не дала результатов. Правительство должно, в конце концов, предпринять открытые действия в защиту национальных меньшинств; открыть доступ в учебные заведения венграм из Трансильвании и Словакии, поддержать общественную инициативу установления личных контактов с ними, а также оказывать им помощь продовольствием и литературой. О бегло обрисованных выше фактах можно получить более развернутую информацию у интеллектуалов — участников вечерних дебатов для интересующихся этими проблемами. При внимательном чтении газет за неделю можно почерпнуть из них более печальные факты о состоянии дел в стране, чем приводили ораторы на избирательных собраниях. Чем же вызвано, в таком случае, негодование предубежденной публики на избирательных собраниях? Чем объяснить замешательство руководящего аппарата? Эти проблемы можно обсуждать на закрытых сессиях экспертных комиссий, их могут рассматривать ответственные лица на различных уровнях, прежде чем будет принято решение. Эти проблемы можно обсуждать в клубах Народного Фронта, в студенческих клубах и, наконец, в печати. По контрасту, избирательные собрания были публичными, и обсуждения имели цель выяснить, сможет ли кандидат, выдвинутый массами, попасть в список кандидатов. Такая форма дебатов не типична для современной политической жизни Венгрии. Независимые кандидаты были, по существу, отданы на милость организаторов избирательных собраний. Сущность требований участников этих собраний можно сформулировать в лозунгах:

— Пусть там, где принимаются решения, дебаты будут открытыми!

— Пусть решения принимаются там, где ведутся открытые дебаты!

Избирательные собрания — 2. (Организаторы, методы.)

Выдвижение 18 апреля, т. е. в самом начале избирательного периода, Ласло Райка и Миклоша Тамаша-Гашпара,* несомненно, придало этому периоду особый характер. Время и место избирательных собраний объявили в последний момент. Полиция была предупреждена вовремя. В течение дня полицейские неоднократно убирали плакаты с объявлением о выдвижении кандидатов — „членов оппозиции” из Философского и Юридического институтов.

Оправившись от замешательства, местные партийные комитеты быстро сообразили, что новый избирательный закон дает им возможность избавиться от независимых кандидатов и вообще от любых народных кандидатов. Утром 22 апреля (второе избирательное собрание для выдвижения Ласло Райка и Миклоша Тамаша-Гашпара должно было состояться вечером этого дня) партийные организации всех более или менее крупных предприятий этого района получили разрядку, — сколько человек они должны послать на собрание.

Отобранные избиратели, выполняя инструкцию, заняли места между тремя и пятью часами; избиратели, пришедшие к началу собрания, вынуждены были стоять; а опоздавшим, организаторы не разрешили войти. „Культуристы” — здоровяки, проводящие время в пивных, — со скрещенными на груди руками, стояли в проходах, позади рядов стульев. Они были в штатском. Полицейские в форме, а также полицейские машины были размещены вокруг здания. Такая картина была характерна не только для избирательных собраний оппозиционных кандидатов, но и на некоторых избирательных участках (2-ом, 3-ем и 11-ом). Поскольку нет инструкции, регулирующей проце-

дуру избирательных собраний, председатель, делегат Народного Фронта, руководил дебатами со строгостью воспитателя исправительного учреждения. Независимых кандидатов и их сторонников непрерывно прерывали, на них набрасывались с обвинениями и, в конце концов, заставили замолчать. Когда выдвигались кандидатуры независимых, организаторы, охранявшие двери, ходили по рядам и предупреждали руководителей организованных групп: „Этого кандидата нужно провалить”. В Бикашмедере один из секретарей партийного комитета третьего избирательного округа показывал председателю знаками, кому разрешить выступать.

В некоторых избирательных округах, особенно в университетах, это оказалось недостаточным. Студенты политехнического института, откликнувшись не на партийные инструкции, а на сотни листовок, размноженных на mimeографе или литографским способом, гарантировали независимым кандидатам несколько сот голосов. В таких случаях организаторы собраний шли на прямой обман. Они завышали число присутствующих и голосовавшие за независимых кандидатов оказывались в меньшинстве.

„Ага, они прибегают к подтасовкам!” — могли бы мы воскликнуть радостно. Ведь по сравнению с 99%, которые правящая партия получает обычно на выборах, подтасовки можно рассматривать как феномен демократии. Ведь с 1947 г. Венгрия не нуждалась в подтасовках.

Организаторы избирательных собраний обманывали как эзоповский волк на берегу ручья: если обман не срабатывал, они проглатывали ребенка. Согласно официальным подсчетам, во втором собрании по выдвижению Ласло Райка участвовало 1. 388 человек. По подсчетам, проделанным неофициально, у обеих дверей здания, через которые люди выходили, — 1. 064 и 1. 115. Вымышленное большинство в 270 человек не дало возможности избрать Райка. На 11-м участке, согласно официальному подсчету, за экономиста Ференца Лангмара голосовало 120 человек; по неофициальному подсчету, проведенному после собрания, за него голосовало 168 человек. В этом случае не помогло даже то, что свидетелем обмана был весь президиум собрания. Протест, как и на всех других участках, и здесь был отвергнут.

* Выдающиеся венгерские инакомыслящие.

Так обращались отнюдь не только с независимыми кандидатами; организаторы собраний воздвигли стену перед каждым народным кандидатом. Из 873 кандидатов, вошедших в окончательный избирательный список, 78 (или 9%) были выдвинуты непосредственно на собраниях, но значительная их часть оказалась замаскированными официальными кандидатами. Наше утверждение базируется на отчетах об этих собраниях.

Между 15 и 30 апреля центральные газеты сообщили о 22 избирательных собраниях. На 11 собравшиеся попытались избрать 14 кандидатов. Четверо — все из местных функционеров — или отказались баллотироваться, или отсутствовали. Из оставшихся 10 кандидатов о троих можно предположить, что они были замаскированными официальными кандидатами: секретарь районного комитета Народного Фронта в Комароме, директор угольного предприятия в Комло и глава производственного кооператива, как он значился в списке кандидатов, но одновременно член партийного комитета в Нограде. Двое первых стали кандидатами в кандидаты, третий был выбран в качестве единственного представителя. (Почему органы, выдвигающие кандидатов, заинтересованы в их маскировке, будет ясно из примера, который мы приведем ниже.) Из семи оставшихся и, по-видимому, действительно народных кандидатов, пятеро не получили нужного числа голосов (четверо интеллектуалов, о профессии пятого нет данных). Кандидат из рабочих из Боршода не прошел на втором избирательном собрании перед дополнительными выборами. И только один, Янош Югар, районный врач из Помаза, стал делегатом, а потом и представителем. Мы еще вернемся к этому случаю.

Если независимый кандидат получал много голосов, органы, наблюдавшие за проведением выборов, имели достаточно средств не допустить его избрания. На 10-м избирательном участке был номинирован молодой научный работник Имре Браницкий. Его поддержали студенты, партийный комитет и комитет молодежной организации Экономического университета, при молчаливом согласии районного партийного комитета. Вряд ли можно назвать его кандидатом оппозиции. В первом раунде выборов он занял второе место среди троих кандидатов. На двух избирательных митингах, предшествовавших дополни-

тельным выборам, организованная публика высказалась против того, чтобы такой молодой кандидат представлял интересы пенсионеров, которых много в этом районе (хотя все кандидаты Народного Фронта достаточно молодые люди, никто из них не достиг пенсионного возраста). На втором собрании руководитель зарегистрировал только 90 человек, которые решили вполне по-семейному, что Браницкий не может быть кандидатом на дополнительных выборах, хотя он и собрал вначале 4. 700 голосов, и был выбран представителем юрист кооператива, в прошлом прокурор и член местного совета.

После опыта первых избирательных собраний оптимисты сочли, что предубежденность против независимых и вообще против всех „случайных“ кандидатов, а также манипуляции против них — самодеятельность местных организаторов. Статья Имре Пошгеи („Непсабадшаг“, 30 апреля) подтверждала эти иллюзии. Первый секретарь Народного Фронта между двумя избирательными собраниями, на которых проходило голосование за Райка и Гашпара, предупредил их организаторов, что любые манипуляции подрывают доверие к партийной политике.

29 апреля Центральный комитет обсуждал случаи манипуляции. Даже скупое коммюнике в прессе не могло скрыть, в какое затруднительное положение попало партийное руководство. Вместо Иштвана Хорвата — секретаря центрального комитета по внутривнутриполитическим вопросам, отчет о событиях на избирательных собраниях сделал сам Кадар. Центральный комитет „принял к сведению“ этот отчет. Другими словами, первый секретарь не разрешил дебатировать эту проблему, чтобы предупредить столкновение между „сторонниками порядка“ и „сторонниками реформ“. Но принцип верховного руководства партии был утвержден недвусмысленно, поскольку после пленума Центрального комитета нарушения не прекратились, а наоборот, сделались систематическими. Стало нормой устраивать концерты или показ фильмов за два часа до начала избирательных собраний, вход в здание закрывался заранее; у желавших присутствовать, но прибывавших не группами, а поодиночке, проверяли документы; группы организованных „избирателей“ перевозили автобусами с одних избирательных собраний на другие.

Избирательные собрания — 3 (Организованные избиратели.)

Избирательное законодательство должно быть беспристным, чтобы обеспечить нормальные условия для выбора кандидатов. Цель избирательных собраний — выявить кандидатов, чтобы граждане могли сделать выбор между ними. В сущности, кандидатом может быть всякий, кто убедит треть аудитории в серьезности своих намерений.

Независимые кандидаты тоже рассчитывали на беспристность закона. Предвыборные листовки, поддерживавшие независимых кандидатов („Мы голосуем — значит мы имеем право выбора!“), а также выдвигавшие независимых кандидатов на собраниях, призывали собравшихся голосовать за всех кандидатов. Но эти разумные аргументы не действовали на специально подобранную публику. Независимых и других народных кандидатов не удивили ни результаты выборов, ни организованные нарушения и манипуляции. Удивила агрессивная нетерпимость тех, кто провалил их выдвижение. Эта атмосфера нетерпимости не может быть объяснена только официальными установками.

Независимые кандидаты самим фактом своего появления нарушили этикет псевдополитических выступлений. На собраниях, на которых выдвигают независимых кандидатов, в отличие от собраний Народного Фронта или студенческих клубов, присутствующие обычно выступают с личными претензиями или жалобами на местное руководство. Только председатель собрания говорит о политике. Обычно он излагает последний партийный документ, дополняя его местными примерами и тщательно соблюдая баланс в перечне достижений недостатков. Независимые кандидаты не пользуются языком партийных программ, баланс достижений и недостатков их не интересует; своими критическими замечаниями они нарушают этот баланс, и вместо восхвалений по поводу достижений высказывают беспокойство в связи с нерешенными проблемами.

Организованная публика приходила на избирательные собрания не для дебатов по политическим вопросам. (Они выкрикивали: „Это не экономическая десятиминутка!“ или „Какое

нам дело до Дуная!“). Они приходили голосовать за двух кандидатов или — это стало их задачей позднее — провалить независимого кандидата. Не удивительно поэтому, что им были скучны все серьезные дискуссии, и они искренне радовались, когда председатель ограничивал время дебатов. Но апатия и скука не могли вызвать такого накала страстей, предметом которых были не только отдельные лица, но обычно определенная группа людей. Организованная публика всегда отличала группу, к которой принадлежит независимый кандидат, от той, к которой принадлежат кандидаты Народного Фронта. В 5-м избирательном районе такой распознанной ими группой была оппозиция известным политическим и экономическим лидерам. В 3-м, 11-м и 12-м избирательных районах они противопоставили интеллектуалов рабочим. В других участках 11-го района и в 12-м районе молодежь противопоставляли пожилым людям. Но накал эмоций проявился повсюду. И ораторы, и крикуны без всяких колебаний включили себя в лагерь „мы“, концентрировавшийся вокруг официального кандидата; те же, кто группировался вокруг других кандидатов, рассматривались организованной публикой как „они“, или лагерь врагов. В списке врагов фигура интеллектуала была наиболее частой; они вызывали особенно враждебные чувства, разумеется, умело направляемые. Что же это за люди, которые так негодуют, если кто-то хочет чего-то иного, чем районный партийный комитет? Откуда они появились, и на кого направлен их гнев?

Часть их была несомненно набрана из партийных активистов по месту работы, из бригад дружинников, из организаций рабочих-ветеранов. Эти группы — побочный продукт кадаризма со времени консолидации режима. Их можно собрать и направить в нужное русло, но в политической жизни они не играют никакой роли, даже в принятии решений у себя на работе. На самом деле, они ненавидят кадаризм — старшее поколение ностальгически; молодежь — потому что работа на государственных предприятиях ограничивает их шансы на участие во второй экономике, и в то же время не приносит им успехов в карьере. Они склонны были напасть на систему слева, но поскольку они не могут этого сделать, они обозлены на тех, кто ее критикует. Они перестали называть Тамаша Бауэра „товарищем“. Они го-

ворят: „Он больше не наш, он критикует партию, он критикует государственное руководство, а это неправильно”.

Ораторы из инженеров образуют отдельную группу, небольшую, но типичную. Они повторяли (что придало их высказываниям политический интерес) идеи Кароя Гроса — из его речи на съезде: прежде всего, мы должны преодолеть техническую отсталость, и в этом деле инженерам принадлежит ведущая роль. В накаленной атмосфере избирательных собраний никто не спросил, что означает этот столь звучный лозунг. Специалистам в области технических и естественных наук нет дела „до искажений экономической системы. Их дело — увеличение производства”. „Интеллектуалы думают, что они знают все”. Но технические работники должны учиться у рабочих, поскольку рабочие рассуждают „о сущности наших проблем очень мудро, очень зрело и в интересах системы”. Короче говоря, не надо критиковать социологов и реформаторов. Но нам не нужны экономисты. Партийные активисты шумно одобрили этот тезис, и слово „экономист” стало звучать так, словно кто-то выкрикнул: „беспартийный бродяга — космополит!”.

Партийные активисты сконцентрировались вокруг группы последователей Гроса, объединяющей старых сталинистов и технические кадры. В эту аморфную массу они вовлекли буйное „молчаливое большинство”, этих вечных защитников порядка. „Молодежь жалуется, что у них нет квартир. У меня тоже не было. Но я работал десять лет ради этого, и теперь у меня есть квартира. Они говорят, что пенсии мало. Моему отцу 80 лет, и он не может жить на свою пенсию. Но он вырастил меня, чтобы я помогал ему. И я буду растить моих детей так же”.

Национальная слава, могущество или популярность, если они не были подкреплены местным патриотизмом, порождали скорее отрицательные, чем положительные эмоции на выборах, даже на избирательных собраниях.

Известный политический деятель общенационального масштаба может рассчитывать на избрание только в качестве „знаменитого сына нашего города”, за исключением случаев, когда его вынуждены избрать под давлением.

Обязательные повторные выборы увеличили роль местного аппарата (протестовавшего против их введения), особенно

роль местных партийных комитетов. Введение общенационального списка тоже было им на руку, поскольку в подавляющем большинстве избирательных округов местные власти решают, кого выдвинуть в кандидаты. Благодаря реформе, местная элита, особенно в провинциях, значительно увеличила свою долю в общенациональном представительстве по сравнению с прошлым. Устремления местного аппарата и патриотизм провинциальной публики слились и обеспечили преимущества местным кандидатам перед кандидатами, присылаемыми из центра. Избиратели не могут высказываться по общенациональным проблемам или участвовать в формулировании общих принципов и интересов, и их идеологией становится местный патриотизм, с помощью которого они выражают свои групповые интересы.

Предвыборная борьба проходила, главным образом, между городами. Организаторы выборов встречали серьезное сопротивление только в тех случаях, когда задевали местный патриотизм граждан. В Сентендре Народный Фронт номинировал трех кандидатов — отставного вице-президента Народного Фронта Ласло Хегедуша и двух местных жителей. Жители Помаза — другого города в этом избирательном округе — были оскорблены этим, и на втором избирательном собрании выдвинули кандидатуру своего районного врача Яноша Югара. Он был избран значительным большинством и стал представителем. Подобная борьба в районе Хайду Бихай привела к противоположному результату.

Лихорадочная торговля происходила на всех уровнях: между кандидатами и теми органами, которые их выдвинули; между местными организациями и представителями центра, заинтересованными в получении нужных им результатов по всей стране. Это продолжалось от первых до вторых избирательных собраний, и от окончания выборов до момента публикации списка кандидатов.

Шаг вперед

Еще до начала избирательных собраний и выборов, политические лидеры заявили, что Государственное Собрание будет

впредь представлять интересы всего народа. Окончательные результаты выборов, безусловно, разрушили эту надежду. Иштван Хорват в выступлении летом 1985 г. смог сказать только, что „избранные представляют все группы венгерского общества”. И действительно: каждая группа имеет какое-то число своих представителей; говорят, что в Государственном Собрании имеется теперь даже четыре настоящих крестьянина. Что касается настоящих рабочих, то, включая производственных рабочих, они составляют только 21%; лица, младше 30 лет — 5,4%, а члены партии — 77%, хотя в партии состоит только 8% населения.

Смежные группы не имеют возможности уладить разногласия и договориться об общих действиях, и, естественно, на местном уровне те, кто слабее, повсюду проигрывают. В тех избирательных округах, где женщин выдвигали наряду с мужчинами (как правило, по предложениям избирателей), мужчины побеждали в подавляющем большинстве случаев. В девяти избирательных округах Будапешта среди кандидатов были и мужчины и женщины, во всех девяти округах мандаты получили мужчины. В районе Боршод женщин выдвинули в четырех избирательных округах, но выиграли они только в одном. В результате, представительство женщин (так же, как и рабочих) снизилось до 21%. Новая палата представителей действительно не является парламентом функционеров, показных рабочих и показных крестьян. Скорее, это парламент представителей бюрократии и богатых налогоплательщиков.

Представителя посылают в Государственное Собрание, чтобы он занимался там делом. Все, кому он обязан избранием, ожидают, что он будет действовать в их пользу — как местная элита, так и органы управления, которые находятся в тягбе с местной бюрократией. Но население, если оно вправе высказать свои пожелания, тоже ждет, что представители будут защищать его интересы. И представители будут делать все, что в их силах, поскольку они знают, что их переизбрание зависит от тех, кто их послал. Политическое руководство пришло в ужас от этого урагана желаний. „Депутат Государственного Собрания, несомненно, должен представлять интересы своего округа, но он не должен быть сбит с толку обилием местных дел”, — сказал Иштван Хорват в цитированной выше речи.

Группы, имеющие своих представителей в парламенте, будут иметь большее влияние на исход борьбы в кулуарах. В судьбе выборов решающую роль играли местные власти; в Государственном Собрании значительную роль будут играть хозяйственные руководители — директора, управляющие и, особенно, руководящие работники производственных кооперативов — председатели, главные бухгалтеры, начальники отделов кадров. Только на дополнительных выборах они получили 8 мандатов из 41. В одном случае это была победа над сельскохозяйственным рабочим, в трех случаях — над функционерами.

Оглашение результатов

По всем признакам, политическое руководство проиграло, не справившись с проявлением общественной инициативы. Ответные меры на проявления общественной инициативы привели общественность в негодование. Общественность не очень интересовала выборы сами по себе, даже для организованных рабочих-партийцев; согласно некоторым отчетам, стиль избирательных собраний был утомителен и скучен. Энтузиазм по поводу реформы выборов был невелик, что очевидно и стране и остальному миру, а влияние местных властей, этой независимой части партийного аппарата, непомерно увеличилось. Это, вероятно, наиболее важный и долгосрочный результат неудавшейся реформы.

Если первое испытание нового избирательного законодательства оказалось столь разочаровывающим, не следует ли из этого, что и выдвижение независимых кандидатов не имело смысла? Безусловно, это не так. Реформа избирательного законодательства провалилась, но в ходе избирательного процесса мы оказались свидетелями подлинного общественного движения, какого не было в Венгрии на протяжении десятилетий. Мы знаем, что падение отставных районных партийных секретарей не произошло бы, если бы их защищали сверху — это является предупреждением пришедшим им на смену. Мы знаем, что падение профсоюзных лидеров было вызвано оппозицией местных заинтересованных групп и свидетельствует о беспрецедентной

непопулярности профсоюзов. Мы знаем, что два не прошедших представителя местных советов (в Бекеше и Сольноке) были забаллотированы, скорее всего, не рядовыми участниками голосования; более вероятно, что их оппоненты (председатель производственного кооператива и заместитель директора крупного предприятия) оказались сильнее их. Не исключено, что это были случайности, но в будущем каждый председатель местных советов должен будет думать о том, о чем ему не приходилось думать со времени учреждения советов: что его падение может произойти не только по воле партии.

Имели место случаи, когда кандидат попадал в парламент по воле избирателей. Большое число избранных врачей подтверждает этот вывод. Из 41 мандата на дополнительных выборах врачи получили 5 — из них трое провинциальные врачи, двое из этих трех были внесены в список кандидатов только перед дополнительными выборами. Мы можем, по-видимому, сделать и такой оптимистический вывод: выдвиженцы из народа обрели уверенность в себе, а местные органы власти осознали, что они должны серьезней учитывать нужды народа. Представители не могут уже рассчитывать, что они будут снова избраны с помощью манипуляций, обмана и нарушений закона, или только при поддержке местных партийных и государственных органов. Им придется заботиться, чтобы в какой-то степени возросло доверие к ним избирателей, если они хотят быть переизбранными через пять лет.

Но самое главное — избиратели, несомненно, продемонстрировали нежелание участвовать в показухе. Численность не участвовавших в выборах, недействительных бюллетеней, а также голосовавших против, — по официальным данным — составила 930 988 человек, или 12,4% общего числа избирателей. Конечно, не каждый отсутствовавший и не каждый признанный недействительным бюллетень являются свидетельствами политического протеста. Но миллионы людей до сих пор уверены, что участие в выборах является обязательным — так они воспринимают официальную пропаганду. Еще больше людей знает, что власти, особенно в провинции, могут существенно усложнить жизнь непокорных. Надо добавить, что требование обязательно пользоваться избирательными кабинетами не воспринималось

всерьез. Согласно отчетам, если кто-либо проявлял нерешительность, то дежурные на избирательных участках всегда были наготове, чтобы показать, как надо голосовать. Принимая все это во внимание, нужно признать, что 1 млн. человек, игнорировавших выборы (если доверять официальной статистике) — это очень много. К тому же, есть основание подозревать, что эта цифра занижена. Люди из самых различных общественных групп хвастались тем, что не ходили на выборы. Об этом с известной бравадой заявляли целые рабочие коллективы. А среди молодежи стало модой коллекционировать бюллетени, не опущенные в урны. По-видимому, предвыборная пропаганда переусердствовала и надоела. После избирательной рутины, продолжавшейся десятилетиями, люди чувствовали: если выборы так важны для „них“, и в то же время „они“ не обращают никакого внимания на наше мнение, пусть эти выборы тоже будут „их“ выборами.

Несомненно, эти жесты протеста свидетельствуют о растущем недовольстве, вызванном экономическим спадом последних лет, снижением жизненного уровня, полным пренебрежением к проблемам здравоохранения и образования, гигантскими капиталовложениями в промышленность, бессмысленными с любой точки зрения и, главное, — угрожающими разрушением окружающей среды. Независимые кандидаты осмелились говорить об этих общенациональных проблемах. Они связали эти накопившиеся и тревожные вопросы с необходимостью тщательно разработанной реформы экономической и политической системы. Благодаря этому общественное движение, начавшееся во время выборов, превратилось в политическое событие. Короткий период, впервые за четверть столетия, страна жила настоящей политической жизнью. Столкнулись различные взгляды и точки зрения — впервые не за закрытыми дверями специальных комитетов, а в открытой полемике. Получили возможность открыто, а не в кулуарах, высказаться и интеллектуалы. Страна могла убедиться, что имеются разные точки зрения о судьбе общества, и что инакомыслящие существуют на самом деле, а не являются изобретением радиостанции „Свободная Европа“. Оказалось также, что власть можно заставить выслушать политическую критику.

Для независимых кандидатов участие в избирательной

кампании было серьезным испытанием, поскольку им пришлось выступать как перед непрофессионалами, так и перед компетентными людьми, но главное — в таком окружении, где каждое их слово воспринималось с недоверием. Многие обнаружили впервые: голосовать за них пришли сотни сочувствующих и все больше людей осмеливалось выступать и высказывать свою точку зрения. Но им был преподан и другой урок, поскольку независимые кандидаты непосредственно столкнулись со своими оппонентами. В этой борьбе выяснилось также, что часть избирателей, которые сами влекут жалкое существование, были напуганы появлением независимых даже больше, чем безликое Государство.

Итак, появление независимых кандидатов было оправдано. Это было важно для страны, а также для интеллектуалов, чей удел заниматься общественными делами. Но было ли оправдано, что горстка оппозиционных кандидатов тоже присоединилась к избирательной кампании? Не свело ли на нет их участие шансы других независимых кандидатов? Нетерпимость организаторов свидетельствует, что это не так. Ни независимые кандидаты, ни их сторонники, не проявляли к оппозиционным кандидатам подобной нетерпимости. Атмосфера избирательных собраний способствовала сближению различных групп: защитников окружающей среды, экономистов, настаивающих на реформе, и оппозиционеров. Стало ясно, что демократизация является необходимым условием для любых перемен. Поскольку условия не изменились, новый дух, родившийся в период выборов, можно надеяться, не исчезнет бесследно.

На самом деле — единственное, чего не принимала оппозиция, — это ограничения ее деятельности и цензуры ее высказываний. Эта концепция не признает разницы между официальной и неофициальной политической ареной. В принципе, в Венгрии есть свобода слова и печати. Нелегальными являются не публикации самиздата, Свободный Университет, или Фонд помощи неимущим, а полицейские преследования против них.

И на избирательных собраниях, и в печати не раз указывалось, что оппозиция принимает программу Народного Фронта только для видимости. Демократическая оппозиция, действительно, не удовлетворена программой Народного Фронта. Она

хочет федерации нейтральных стран Центральной Европы вместо Организации Варшавского договора; демократии, а не „ведущей роли партии“. Но оппозиционные кандидаты заявили, что, будучи кандидатами или даже представителями, они согласны не касаться этих „окончательных“ и главных вопросов. Поскольку они не сделали секрета из своих политических взглядов, они могли обещать это честно и искренне. Во всяком случае, они вели себя гораздо искреннее, нежели 800 тыс. членов партии, которые тоже хотят, чтобы советские войска вернулись домой.

Но мы, члены оппозиции, принявшие участие в избирательной кампании, не можем быть полностью удовлетворены той ролью, которую мы в ней играли. Мы приняли на себя миссию, для исполнения которой нужны глубокие знания о проблемах современного венгерского общества. Если не считать наиболее важных тем, поднятых оппозицией (гласность, политические права, гарантия прав, положение меньшинств), мы недостаточно осведомлены, чтобы вести каждодневные дебаты о каждодневных нуждах общества. Разумеется, несколько безработных интеллектуалов не могут играть роль, которую в демократическом обществе играют оппозиционные партии, но наше постоянное присутствие необходимо на публичных дебатах для гласного обсуждения общественных вопросов.

Ни оппозиционные, ни независимые кандидаты не подняли вопросов о цыганах. Только один выступавший поднял эту тему, что вызвало недовольство пристрастной аудитории. Несомненно, практическая политика сопровождается уступками. Все стремятся избежать непопулярных тем перед выборами. Тем не менее, мы не должны забывать эту тягостную и постыдную проблему венгерского общества.

„Если..., то ... — “

М. Ф. Раковский, заместитель премьер-министра Польши, посетил Венгрию непосредственно перед выборами. В своем докладе он заявил, что в Польше умеренная оппозиция требует предоставления ей нескольких мест в Сейме. Мы не знаем, как правительство Ярузельского ответит на это требование. Но за

последние шесть лет польское правительство поняло необходимость переговоров с общественностью.

В Венгрии народ не требовал избирательных реформ. Но когда они были предложены, а затем отменены, это вызвало серьезное разочарование. Это — судьба всех реформ, идущих только сверху. Даже наиболее обещающие реформы не стоят ничего, если народ не может ими воспользоваться. Чтобы ими воспользоваться, народу надо вступить в конфронтацию с аппаратом, интересы которого противоречат реформам. Такое столкновение мобилизует общество, но высшее руководство, выступая инициатором реформ, не может в то же время допустить мобилизации общества. Поэтому высшее руководство неизбежно приходит на помощь аппарату. Но отмена реформ — опасная игра. Одна из тривиальных истин политологии состоит в том, что общественные взрывы происходят не во времена усиленного давления, и не когда режим дает выход накопившемуся давлению, а когда руководство, напуганное тревожными сигналами, пытается перекрыть клапан, выпускавший избыточное давление.

Довольное собой и, вместе с тем, внутренне непрочное партийное руководство боится всего на свете. Оно боится недовольства Москвы, Праги и Берлина, но оно боится также неодобрения маленьких венгерских городов. Оно хочет сохранить хорошие отношения с провинциальной (и не только провинциальной) бюрократией, поскольку оно и ее боится. Но партийное руководство хочет быть в хороших отношениях и с интеллектуалами, поскольку ему крайне необходимо их моральное признание. Оно, однако, не научилось вести переговоры с народом. Верно, конечно, что в Венгрии не с кем, по существу, договариваться. Нет сильной церкви; интеллигенция достаточно травмирована прошлыми событиями; нет и настоящего рабочего движения, требования которого могли бы сформулировать профсоюзы. Народ Венгрии не имеет возможности предъявить требования и не знает, чего можно требовать. В Венгрии нет ни одной значительной политической силы, которая могла бы говорить от своего имени.

Политическое руководство не может сказать ничего обнадеживающего даже о более гнетущих проблемах. По окончании съезда партии и выборов, „пропаганда надежды” окончилась.

Опубликованные данные свидетельствуют, что в первой половине 1985 г. не только венгерская экономика не выполнила план, но и экспорт товаров оказался ниже, чем год назад. При таких обстоятельствах дальнейшего сокращения импорта можно будет избежать только при условии дальнейшего увеличения внешней задолженности. А ограничение импорта — это известно каждой домохозяйке — означает ускорение инфляции и ухудшение снабжения населения. „Дальнейшее же сокращение потребления станет серьезным испытанием терпения общества”, — сказал Ласло Мароти на встрече экономистов.

Что может сделать политическое руководство, если терпение народа истощится? Конечно, можно опять вызвать к жизни непоколебимых приверженцев „социалистической революции”; можно допустить также, чтобы авторитарный консерватизм превратился в общественное движение. Но далеко на этом пути они не уйдут. Без настоящих стимулов популярные лозунги скоро выветрятся, и руководству придется с самого начала ограничить масштабы движения, начатого им самим. Потому что националистические чувства, неизбежно выплывающие на поверхность авторитарного движения, если оно станет действительно массовым, обратятся против Советского Союза.

Венгры сейчас работают больше сверхурочно и по совместительству. Сейчас число оплаченных часов на одного работающего в Венгрии выше, чем во всей остальной Европе. Это — плата за сохранение видимости кадровского национального „благоденствия”, символом которого является „хороший воскресный обед”. Данные о деградации духовного и физического здоровья народа очевидны и без книг по социологии. „Вырождение народа” — это, конечно, поэтический образ. Но статистические данные подтверждают его: сокращение рождаемости; ранняя смертность; алкоголизм; рост самоубийств. Нужно ли ждать, чтобы ответ общества на такой ход событий привел нас к еще одной катастрофе?

Но что случится, если призрачный „общественный договор” окончится? Если венгерское общество придет к выводу, что конец близок, а „вторая экономика” и внеурочная работа уже не могут больше решить экономических проблем? Если народ решит, что ему надоел высокомерный правящий класс, который не в состоянии ни управлять, ни найти приемлемый компромисс?

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Bela Pokol, Tarsadalomtudományi Közlemények (Бюллетень общественных наук), 1985 г., № 1, стр. 69.
- 2 Elet es Irodalom („Жизнь и литература”), 1 июля 1983 г.
- 3 Dr. Bela Molnar, Nepszabadsag, 16 мая 1985 г.

Арч Паддингтон

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОГО БЛОКА

До недавнего времени проблема ухудшения окружающей среды рассматривалась в коммунистической догматике как феномен чисто капиталистический. Как правило, в качестве факторов, вызывающих экологические проблемы в мире, советские идеологи называли анархию и неконтролируемое капиталистическое производство, погоню за прибылями и колониализм. Эта логика приводила к заключению, что поскольку капитализм порождает экологические проблемы, то капиталистические страны и должны их устранять. Советский философ И. Т. Фролов писал по этому поводу: "Поскольку экологический кризис является порождением капиталистического мира, — для устранения экологической угрозы необходимо существенно перестроить капиталистическую систему". (Обратный перевод с англ., — Ред.). Что же касается неизбежности загрязнения окружающей среды в коммунистических странах, то, по мнению Фролова: "В странах, где существует общественная собственность на средства производства, ухудшение окружающей среды может быть только случайным явлением". (Обратный перевод с англ., — Ред.) Один чехословацкий комментатор договорился до того, что экологических проблем в стране просто не существовало бы, "если бы в Чехословакии не сохранились до сих пор антисоциалистические элементы".¹

Все это не очень убедительно для населения Советского Союза и его коммунистических соседей, поскольку экологиче-